

А. Е. ЗАГРЕБИН, О. М. МЕЛЬНИКОВА

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ УДМУРТИИ ОТ УСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ К ПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ (1920-е – НАЧАЛО 1930-х гг.)*

В статье рассматривается процесс зарождения истории Удмуртии как научной дисциплины в контексте формирования национальной государственности удмуртов. Авторы статьи предполагают, что социальная ориентированность истории Удмуртии проявилась в ее предмете, прежде всего, как этнической истории, что актуализировало развитие археологических и этнографических исследований в регионе. Рассматриваются реализованные в 1920-х – начале 1930-х гг. исследовательские подходы и научно-организационные проекты.

Ключевые слова: этническая история, удмурты, образы исторической памяти, историки и власть, этническая идентичность.

История как наука и, одновременно, важная составляющая политики, практически, во все времена была функционально связана с идеологическим окормлением процессов национально-государственного строительства. Так, растянувшееся на несколько столетий становление европейских наций многократно демонстрировало те закономерности, что позволяют говорить о существовании необходимой последовательности идей, действий и решений, сопровождающих путь народа к современным формам самоорганизации. История и литература отвечали в этом движении за духовную консолидацию и воспитание народа в свете избранной модели общественного развития, как правило, на примерах героических событий прошлого¹. Трудности наступали тогда, когда лица ответственные за написание истории, заботясь об объективности своих текстов, начинали отыскивать документальные, либо овеществленные свидетельства минувших эпох. Но, довольно часто, представляемые на суд профессионального сообщества исторические источники не выдерживали критики, а в отношении младописьменных народов текстовая культура вообще отступала на второй план, уступая место этнографическим и археологическим материалам.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03573) «Поля несуществующего: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

¹ См.: *Hoch*. 1999. P. 97–101.

Применительно к истории земель, населенных удмуртами, данное обстоятельство обнаружилось в ходе академических экспедиций XVIII в., когда выехавшие в российские провинции ученые, столкнулись с ситуацией «акустической экзотики» и зачаточным состоянием археографии². Уже в те годы, выход виделся в применении этнографических методик сбора исторической информации, позднее дополненных образцами фольклора и ископаемыми раритетами. Некоторое оживление в поиски письменных источников по истории удмуртов и финно-угорских народов России в целом внес в 1820–1840-е гг. академик А.И. Шёгрэн³. Пришедшийся на вторую половину XIX в. триумф теории развития и реализация идей областничества заметно усилили позиции науки о народах, обеспечив лидерство этнографии в вопросах местной истории.

Археологические материалы, в свою очередь, подчеркивали древность и своеобразие культуры первонасельников края, демонстрируя переход от любительских форм к профессиональной исследовательской деятельности⁴. Эффект усиливали публикации «из народного быта» сельских пастырей, учителей, чиновников и политических ссыльных, регулярно появлявшиеся в епархиальной, губернской и уездной периодике⁵. В условиях радикальных общественно-политических изменений местная гуманитаристика после Октября 1917 г. пришла во взаимодействие с новыми ценностями, геополитическими ориентирами, идеологическими конструктами, организационными новациями в структуре научной деятельности, возросшей социальной мобильностью⁶.

Завершение активной фазы Гражданской войны на территории Камско-Вятского междуречья и создание в 1920 г. Вотской автономной области (ВАО), актуализировало задачу по организации науки в крае в качестве одного из структурообразующих элементов новой удмуртской идентичности. Наука в этом контексте понималась, прежде всего, как гуманитарная, т.е. историко-филологическая работа, целью которой было изучение происхождения, основных этапов истории и важнейших культурных достижений народа, претендующего на право называться нацией. Создание национальной истории оказалось делом не менее сложным, чем формирование узнаваемого образа национальной культуры, также являвшееся «проблемным полем» для правительства автономии. Властям пришлось впервые решать сложную задачу, смысл которой был подмечен

---

² Загребин. 2010. С. 92.

³ Загребин. 2006. С. 197–225.

⁴ Мельникова. 2004. С. 145–150.

⁵ Мельникова. 2011. С. 76–86.

⁶ Мельникова. 2012. С. 161–169.

в одном из свидетельств 1918 г.: «Насыщенность исторической памяти и сознание ценности своей истории, вместе с волей совместно растить и множить эту ценность, делают народность нацией»⁷.

Столетиями коллективные версии прошлого удмуртов существовали в фольклорной традиции. Будучи популярным жанром в народной среде, устная историческая проза выстраивала знаковые для этноса исторические образы о древних обитателях края, о вождях и богатырях, разбойниках, о межэтнических отношениях, об основании селений и культовых объектов⁸. В пореволюционных условиях, когда народ получил возможность собственного национально-государственного строительства, потребовалась с одной стороны, новая интерпретация прошлого опыта, зафиксированного в устной исторической памяти; с другой стороны, оказалась востребованной собственно история народа, которая бы позволила осознать себя в качестве самостоятельного субъекта исторического процесса. При этом важно было не только создать такую историю и включить ее в широкий контекст российской истории, основываясь на тщательной источниковедческой работе, но и придать ей новую – письменную форму.

Первая попытка легитимации науки в Удмуртии была предпринята в 1923 г., когда по решению Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ВАО был создан Академический центр, призванный развивать образование народа на научной основе. Ввиду отсутствия в крае ученых-профессионалов было принято решение о приглашении специалистов из центральных научных организаций, или как было зафиксировано в программном документе: «Вотский академический центр, взявший на себя в значительной мере разработку и разрешение научно-исследовательских проблем местного значения, надеется и имеет право на идейную и финансовую поддержку Наркомпроса. Без этой поддержки малокультурная Вотская область не может справиться со своими научными вопросами и нуждами, разрешение которых властно и неотступно требует сама жизнь, жизнь нового советского строительства, гимн культурного возрождения угнетавшихся национальностей»⁹.

Обретение политического статуса способствовало утверждению этноцентристской парадигмы в познании истории родного края. Концепт истории региона, в первую очередь как этнической истории, по-

---

⁷ Ретина. 2012. С. 18.

⁸ См.: Приказчикова. 2009.

⁹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф.195. Оп. 1. Д. 159. Л. 288об.

средством наиболее очевидных источников – этнографических и археологических, становился формой укрепления идентичности. На что остроумно обратил внимание Б. Андерсон: «Поскольку у нации нет Творца, ее биография не может быть написана по-евангельски, «от прошлого к настоящему», через длинную прокреативную череду рождений. Единственная альтернатива – организовать ее «от настоящего к прошлому»: к пекинскому человеку, яванскому человеку, королю Артуру, насколько далеко сумеет пролить свой прерывистый свет лампа археологии»¹⁰.

Актуальным для того времени было наблюдение уральского археолога А.А. Берса, писавшего: «Национальные меньшинства нашего Союза, освобожденные советской властью от многовекового гнета, сейчас воспрянули в новой силе развития, свободного в своих национальных рамках. Столетия систематического ограбления и принудительного обрусения ставят, однако, перед ними ряд задач по восстановлению и развитию их культурных ценностей и всестороннему изучению племенных особенностей. В этом отношении изучение древних культур может оказать неопределимую услугу. Неспроста замечается, что наиболее деятельные археологические и этнологические изыскания в СССР ведутся сейчас в пределах автономных республик и областей»¹¹. Ему вторил этнограф С.И. Руденко: «С перемещением административных и экономических центров, с изменением границ <...> нынешние республики представляют организмы, не всегда в надлежащей мере себя осознавшие и хозяйственно сложившиеся. Правительства республик испытывают настоятельную потребность возможно быстрее получить сводку <...> того, что известно о природе и населении их страны <...> с тем, чтобы наметить пути наиболее правильного хозяйственного и культурного строительства <...>. Наметить путь дальнейшего развития народного хозяйства возможно только тогда, когда <...> известно прошлое и установлена причинная связь и зависимость между прошлым и настоящим»¹².

Старейшее на востоке Европейской России объединение ученых и краеведов – Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете, раньше других – уже летом 1919 г., заявило о своей готовности к «инородчествоведению» в рамках специальной «Востоковедной комиссии». Комиссия была призвана инициировать ряд мероприятий по изучению и преподаванию языков народов Поволжья¹³.

¹⁰ Андерсон. 2001. С. 222–223.

¹¹ Берс. 1928. С. 2.

¹² Цит. по: Платонова. 2010. С. 17.

¹³ Бобровников. 1919. С. 168.

Начальным шагом должна была стать экспедиция к удмуртам, в ходе которой предполагался сбор информации методом анкетирования населения и составление археологических и этнографических карт.

Выведение из небытия истории «инородцев» активно поддерживалось государством. Поэтому неслучайно этническая история в СССР стала наиболее разрабатываемым предметом и археологических изысканий¹⁴. Однако практическое воплощение этих замыслов в отдельных регионах страны требовало организационного начала и его формального закрепления. Так в Ижевске, новой столице ВАО, центрами, где начали вырабатываться научные представления об истории удмуртов, стали Музей местного края, созданный в 1920 г., и, спустя несколько лет, в 1925 г. – Научное общество изучения Вотского края (НОИВК). Созданные в городе, не имевшем подобного опыта инициативной деятельности, новые институты опирались на знания небольшого круга просвещенных людей из числа совслужащих, а также оставшихся в России носителей дореволюционных краеведческих традиций. Немаловажную роль в формировании исторических образов прошлого сыграли студенты-удмурты, получавшие образование в столичных вузах. Многие импульсы по проведению научных изысканий столичными учеными исходили от К.П. Герда – поэта и этнографа, ставшего символом пробуждающейся «удмуртскости». Именно он, по всей видимости, общаясь в 1925–1926 гг. со своими преподавателями в Институте этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН, сумел убедить их в необходимости широких научных работ в Удмуртии. Начало полевым исследованиям было положено сотрудничеством Герда с коми-этнографом, профессором МГУ-2 В.П. Налимовым¹⁵. Летом 1926 г., несмотря на материальные трудности, его поездка к удмуртам ВАО и Закамья была совершена.

Идея обращения в Главнауку для изучения территории Удмуртии в археолого-этнографическом отношении, по всей видимости, принадлежит научному руководителю аспиранта К.П. Герда Ю.М. Соколову, фольклористу и этнографу, профессору Института этнических и национальных культур народов советского Востока. Сохранилось письмо (на бланке Главнауки и Центрального музея народоведения) от 27 мая 1926 г. в Облесполком ВАО, подписанное профессором Б.М. Соколовым – братом Ю.М. Соколова. В нем сформулированы основные направления изучения удмуртской истории: «Полагал в высшей степени желатель-

---

¹⁴ См.: *Лебедев*. 1992. С. 434.

¹⁵ *Загребин, Шаранов*. 2010. С. 10–14.

ным наиболее длительную работу по этнографическому изучению вотяков, а также максимальное вовлечение вотских работников <...>. Я полагал бы в интересах этнографической науки с одной стороны, и культурно-просветительской деятельности Вотской Области, с другой, было бы крайне желательно произвести во время этнографической экспедиции генеральную киносъёмку вотского быта <...>. Согласование с археологической экспедицией могло бы выразиться в выборе общей территории для работы в производстве археологических раскопок поздних (XVI–XVII вв.) вотских могильников, важных для сравнительного изучения быта вотяков с современным. Лично я бы полагал желательным производство этнографических работ в двух отличных районах – северном – Глазовском и южном – Можгинском»¹⁶. Этим письмом был обоснован комплексный археолого-этнографический методологический подход в исследованиях истории удмуртов, который позволил бы ретроспективно связать информацию археологических и этнографических источников, тем самым удревнить этническую историю.

Экспедиция как способ получения историко-культурной информации, этническая история как форма интерпретации и музей местной истории как место презентации становятся в середине 1920-х – начале 1930-х гг. основным научным трендом советской гуманитаристики. В полевом исследовании была вполне определенная альтернатива «старой школе» изучения истории, тяготевшей к разысканию и толкованию письменных источников – процессу малоподвижному и плохо сочетающемуся с делом обновления прежних институтов. Новая стилистика получения исторической информации должна была стать истинно народной, предполагая «хождение в народ» за знаниями как установку времени перемен¹⁷. Археология и этнография предлагали «ясные и доступные исторические образы, которые пробуждали в полуграмотных массах национальное самосознание»¹⁸. Отправлявшиеся в (ино)родное «поле» лояльные ученые представлялись власти проводниками культурной революции, а этнография и археология рассматривалась в качестве одного из научных направлений с особыми политическими задачами.

Исключением из археолого-этнографического контекста истории удмуртов были публикации П.Н. Луппова, который еще в дооктябрьский период обратился к проблемам христианизации края и опирался в своих поисках на материалы центральных и местных архивохрани-

¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 504. Л. 23; 23об.; 24.

¹⁷ Ван Мейрс. 2001. С. 18–20.

¹⁸ Репина. 2012. С. 19.

лиц¹⁹. В заслугу ученому следует отнести труды по фундированию региональной истории документальными свидетельствами²⁰. При его деятельном участии к середине XX в. сформировался начальный корпус письменных источников по истории Удмуртии, преимущественно, русских позднесредневековых текстов²¹. Тем более, на момент структурирования органов власти удмуртской автономии, включая управление образовательным пространством, важно было наполнить школьные программы хотя бы минимальным объемом знаний о прошлом края.

Примечательна, в этом отношении, «Программа по истории Вотского народа», авторы которой призывали: «...не только излагать историю в собственном смысле, но и ознакомлять с архивными документами и вообще с документальными первоисточниками, прочитывать документы с разъяснениями и разбором их»²². Здесь же, они справедливо предостерегали от склонности всецело полагаться на этнографическую литературу, в особенности на «любительские труды»²³. Недоверие П.Н. Луппова к этнографическим наблюдениям как к историческому источнику отнюдь не было тотальным. Наверняка, он отдавал себе отчет в ограниченных возможностях региональной истории, развитие которой совпало со временем, когда большая часть страны пребывала в послевоенной разрухе, не исключая архивные учреждения.

Совмещая заботы по организации деятельности губернского архива, преподавание в Вятском педагогическом институте им. В.И. Ленина и работу в НИИ краеведения, П.Н. Луппов ориентировал своих студентов, среди которых было немало представителей национальных меньшинств Вятского края, на комплексное восприятие процесса «делания истории». Так, на занятиях по методике краеведения в 1924 г. им был предложен план широкого анкетного опроса по теме «Влияние революции на быт нацмен», с целью фиксации начальных советских трансформаций в образе жизни местного неславянского населения²⁴. Исследование, занявшее несколько лет и проводившееся на территории Вятской губернии, Вотской АО, Марийской АО и Татарской АССР, стало для него опытом приближения истории к современности, чья этнографическая специфика лежала, буквально, на поверхности.

---

¹⁹ Луппов. 1899; 1911.

²⁰ Бердинских. 1991. С. 31–60.

²¹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. 1958.

²² Цит. по: Луппов, Поздеев. 1921. С. 12.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Революция для всех. 2008. С. 19–20.

В дальнейшем П.Н. Луппов не раз обращался к эвристическим возможностям этнографии, включая непосредственное наблюдение обрядовых действий в удмуртских деревнях²⁵. Живя и работая, на протяжении почти всей жизни в Вятке, он не переставал находиться в контакте с любителями удмуртской истории, с 1925 г. объединенными под эгидой НОИВК, а с 1931 г. в рамках Комплексного НИИ при правительстве автономной области. Этнографический поворот, ставший в рассматриваемый период частью его научного творчества, в целом отвечал потребностям «удмуртского исторического нарратива» и еще больше – складывающейся интеллектуальной идентичности удмуртов.

Пожалуй, единственной большой проблемой для археолого-этнографического поворота в деле создания истории Удмуртии стала нарастающая со второй половины 1920-х гг. экспансия марксистской методологии, подминавшая прежние умеренные схемы теории развития²⁶. Отображение революционных темпов социальных изменений и поиски фактов классовой борьбы постепенно были вменены в обязательную повинность всем, желающим писать и говорить от имени народа. История удмуртских экспедиций и текстов К.П. Герда, В.П. Налимова и М.Т. Маркелова наглядно показала ту идеологическую ломку, которую претерпела отечественная гуманитарная наука²⁷. Постепенно высвечивалась значимость социально-исторической парадигмы на основе марксистской теории исторического процесса.

Для «удмуртских» исследований московского археолога А.П. Смирнова этот новый опыт нашел отражение в статье «Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. нашей эры», где отстаивалась идея автохтонного феодализма и предпринималась попытка реконструкции общественного строя прикамских финнов с ананьинской эпохи до средневековья, социальные изменения рассматривались как следствие развития хозяйственной деятельности, обмена, торговли²⁸. В последующих работах «Финские феодальные города»²⁹, «Производство и общественный строй у народов Прикамья в I тыс. н.э. (по данным археологии)»³⁰, он подчеркивал факты складывания феодальных отношений в бассейне Вятки и Камы, связывая их с влиянием Волжской Болгарии – одного из политических и культурных центров Восточной Европы.

---

²⁵ См.: Луппов. 1927. С. 81–114.

²⁶ См., например: Маторин. 1931. С. 33–34.

²⁷ Загребин, Чураков. 2012. № 3. С. 133–139.

²⁸ Смирнов. 1928.

²⁹ Смирнов. 1931.

³⁰ Смирнов. 1938. С. 202–250.

Наряду с этими новыми конструируемыми образами исторической памяти пока еще присутствуют и наивно-любительские представления о прошлом удмуртского народа, которые нередко выражали удивление перед глубиной его истории: «Раскопки были очень интересны, казалось, что мы разрываем из-под земли своего рода Помпею в миниатюре, что ни траншея, то новость», «разобран весь добытый материал (весом до 207 кг, 13 или 14 пудов). <...> Раскопкой городища удалось *выяснить полностью* быт насельников городища (курсив наш – А.З., О.М.)³¹.

Скудость письменных исторических источников и богатство археологического и фольклорно-этнографического материала, по всей видимости, подтолкнули еще одного первопроходца истории Удмуртии, М.Г. Худякова к написанию весьма разноплановых текстов, варьирующихся от краеведческих очерков и полевых отчетов, до масштабных исторических сочинений и эпических произведений³². Центральное место среди его трудов по истории удмуртов занимает появившаяся примерно в середине 1920-х гг. «История вотского народа»³³. Пафос исследования был созвучен «гердерианской идее» о самоценности каждой культуры и праве каждого народа на свою историю.

Собственно, сам этнографический поворот во взглядах М.Г. Худякова отмечается после его переезда в 1925 г. в Ленинград, где работая в разных учреждениях, в основном под руководством академика Н.Я. Марра, он поверил в большие реконструктивные возможности работы с «этнографической памятью». Так, в 1930 г. приехав в Ижевск в качестве ученого секретаря Института по изучению народов СССР (ИПИИ), Худяков выступил перед школьными работниками с призывом начать повсеместный сбор этнографической информации³⁴.

Примечательно, что научная биография М.Г. Худякова как историка Удмуртии претерпела еще одну трансформацию, связанную с очередной переменой в настроениях властей по отношению к написанию истории. В конце 1920-х гг. начался закат «золотого века» советского краеведения, одновременно с участвовавшими нападками на позиции «буржуазной этнографии». Созданное энергией академика С.Ф. Ольденбурга Центральное Бюро Краеведения (ЦБК) с его отделениями на местах испытывало

---

³¹ Отдел письменных источников НМУР им. К. Герда. Инв. №19584-УРМ. Текст Ившин. Находки археологической экспедиции 1926 г. в Глазовском уезде (Предварительное сообщение. Глазов 15 октября 1926 года).

³² Гришкина, Кузьминых. 2008. С. 5–49.

³³ Худяков. 2008. С. 129–214.

³⁴ Российская Национальная Библиотека (Отдел рукописей). Ф. 828. Худяков М.Г. Ед. хр. 17.

неприкрытое давление со стороны коллег, уже взявших на вооружение марксистскую идею. Так, став адептом яфетических идей и борцом с «финской экспансией» в советской археологии, Худяков попытался поместить все имевшиеся в его распоряжении знания по истории и культуре удмуртов в рамки жесткой схемы общественного развития. Это проявилось в его историографическом труде «Дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов»³⁵. Наиболее рельефно данная композиция была представлена им в рецензии на первую главу учебника по «Истории классовой борьбы в Удмуртии» для средней школы, посвященную ранним периодам истории края³⁶. Тогда, после январского постановления правительства 1933 года, в стране развернулась работа по подготовке стабильных учебников (включая региональную историю), исполненных в духе марксистско-ленинской науки.

Можно сказать, что опыты написания истории Удмуртии как истории удмуртского народа в целом соответствовали имевшейся историографической динамике. Импульс гражданской активности и ставший его частью исследовательский подъем позволили развиться плюрализму мнений по проблемам истории, выведя этнологический дискурс, подкрепленный археологическими реалиями на передний план диалога ученых и власти. Короткая волна признания и даже частичного доминирования этнокультурной тематики и музейных проектов скоро разбилась о требование дать стране четкое представление «о прошлом, настоящем и будущем». Внутренняя конфликтность в стане этнографов, на которых была возложена функция историков и обществоведов, привела к кризису во взаимоотношениях с «заказчиком», а неуклюжие попытки прививки марксизма к науке о народах все больше раздражали партийных кураторов. Выбор, сделанный последними, в пользу догматизированной, зато предельно ясной теории во многом предопределил судьбу исторической науки в центре и на местах.

Историкам-источниковедам позволялось искать, публиковать и анализировать документы о классовой борьбе, историкам-интерпретаторам – писать о предпосылках, причинах и следствиях социально-экономических процессов в духе формационного подхода, тогда как специалисты в области этничности были вытеснены на периферийные поля сбора и первичной обработки «непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов»³⁷. Хотя, дисциплинарные

---

³⁵ Мельникова. 2004. С. 133–144.

³⁶ См. подробно: Кильдибеков. 1933. С. 7–34.

³⁷ Цит. по: Соловей. 2004. С. 226.

поражения науки были не столь фатальны, как человеческие жертвы, принесенные в боях за историю.

Возвращаясь в Удмуртию начала 1930-х гг. мы застаем серьезные перемены в ее интеллектуальном пространстве. Отметив десятилетие создания ВАО цепью юбилейных мероприятий, в том числе помпезной музейной экспозицией, развернутой в помещениях перепрофилированного по этому случаю Свято-Михайловского собора, местные власти начали постепенно охладевать к экспозиционным, экспедиционным и прочим краеведным инициативам³⁸. Определенный пиетет еще сохранялся перед столичными учеными, чьи полевые исследования пока нельзя было поставить под жесткий контроль. Тем не менее, в 1931 г. экспедиция Центрального музея народоведения была подвергнута суровой критике в местной печати за то, что приезжие этнографы уделяют излишне пристальное внимание «пережиткам» в быту удмуртов, как будто намеренно игнорируя успехи советской власти³⁹. Последние крупные археологические работы А.П. Смирнова были проведены в 1936 г., когда по инициативе Удмуртского НИИ обследовались южные и юго-западные районы республики. После этого археологические исследования в Удмуртии замерли на долгие годы. Любопытно, что узнаваемые образы истории удмуртского народа, созданные научными экспедициями, оказали влияние на самовосприятие удмуртским населением своей древней истории. Эти образы во многом воспроизводятся и сегодня, увязываясь в общественном сознании, прежде всего, с археологическими памятниками, целенаправленное изучение которых было начато в 1920-х гг.

Судьбы местных исследователей оказались весьма драматичны, а порой трагичны. Люди на протяжении первых советских десятилетий писавшие историю края, собиравшие и представлявшие культуру Удмуртии, были поставлены перед моральным выбором – безоговорочно принять безальтернативный путь, либо отойти в сторону. В личном измерении, это выглядело примерно так – Г.Е. Верещагин, еще до революции признанный профессиональным сообществом ведущим знатоком этнографии удмуртов, тихо скончался в безвестности и нищете в Ижевске⁴⁰; этнограф и фольклорист М.И. Ильин, получив от ОГПУ упрек в «антисоветской деятельности всего НОИВК и Ильина в частности», счел необходимым отказаться от всех постов и удалиться в деревню «...дабы иметь <...> возможность всецело посвятить себя делу система-

---

³⁸ См.: Юрпалов. 2009. С. 239–252.

³⁹ Зеленцов. 1931. 28 июля.

⁴⁰ Владыкин, Загребин. 2004. С. 19–23.

тизации своих разнообразных трудов на остатке своей жизни...»⁴¹; К.П. Герд, отчаявшись в борьбе со вчерашними друзьями и соглядатаями, пребывал в незавидной должности преподавателя ижевской совпартшколы, вынужденно оправдываясь в былых «заблуждениях»⁴²; жизнь краеведа с дореволюционным стажем, врача Ф.В. Стрельцова показывает, насколько сильна была полученная в ходе судебных процессов тридцатых годов социальная травма – он более не возвращался к этнической тематике, предпочитая заниматься историей заводов. Этот список можно продолжать долго.

Заведя ситуацию в своеобразный интеллектуальный тупик, власть остро нуждалась в людях, желательных – объединенных в рамках государственного учреждения, на которых была бы возложена обязанность по производству идеологически безупречного продукта в части регионального историописания и исторического документирования. Благо примеры такого рода научно-исследовательских организаций уже появлялись в стране, где после ликвидации ЦБК и роспуска многочисленных краеведческих обществ возник кризис идеи местной истории. В областных центрах, в которых имелись высшие учебные заведения, проблему отчасти решали кафедры истории, или чаще – отдельные специалисты, строящие исследования на местном материале. В союзных республиках создавались собственные Академии наук с профильными институтами истории, а в автономных образованиях шел процесс организации комплексных институтов при местных правительствах, призванных содействовать развитию новой – социалистической культуры.

В этих условиях весной 1931 г. бюро Удмуртского Обкома ВКП(б) принимает постановление о создании в Ижевске самостоятельного научно-исследовательского института имени 10-летия Удмуртской автономной области. Плод компромисса между партийной бюрократией и гуманитарным сообществом – институт был призван принять интеллектуальное, в том числе архивно-библиотечное наследие НОИВК и частных собраний любителей истории местного края. Соблюдение установленных работодателем правил гарантировало научным сотрудникам скудное, зато стабильное финансирование исследовательской деятельности. Так же, несмотря на постепенное угасание этнической мобилизации, нельзя было не учитывать стремление молодой удмуртской интеллигенции к творческой самореализации⁴³. Поиски баланса отразились и

---

⁴¹ Рукописный фонд научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 532. Л. 73, Л. 178–179об.

⁴² Ермаков. 1996. С. 90.

⁴³ Загребин. 2012. С. 399.

в подборе кандидатур на директорскую должность. Власти остановились на фигуре Я.И. Ильина, окончившего на тот момент аспирантуру НИИ народов Советского Востока. Проблемой для них было то, что всячески проявлявший лояльность кандидат был заподозрен в связях с опальным «идеологом кулачества» К.П. Гердом. Этого оказалось достаточно для включения его в список по стремительно раскручивавшемуся с весны 1932 г. органами Нижегородского ОГПУ, так называемому Делу «СОФИН» (Союза освобождения финских народностей)⁴⁴. Личная драма первых директоров института, историков – Я.И. Ильина, В.А. Максимова и Ф.П. Макарова сошлась со временем «великого перелома» в сознании людей науки, так недавно думавших о возможностях выбора тематики, методологии и прочих иллюзиях. В измененной парадигме не спасало даже публичное «отмежевывание» и саморазоблачение.

Движение по проблемным полям истории Удмуртии было для исследователей тех лет сначала сродни затейливой игре в термины и методы, когда синтез этнографических и археологических данных виделся знаком квалифицированного и верифицируемого исторического текста; затем, по нарастающей – все более простым и лапидарным следованием заданной траектории научного поиска. Рост публикаций тематически выверенных документов и материалов, начиная с середины 1930-х гг., также стал знаменем времени, когда работы о революциях, классовой борьбе, гражданской войне и ее красных героях составили львиную долю продукции удмуртских историков⁴⁵. Шок, испытанный удмуртскими гуманитариями «после Герда» усугубился ожиданием новых гонений, а спасительная ниша «истпарта» оказалась столь же уязвима для критики, что и недавние археолого-этнологические увлечения.

Вынужденный отказ от «сложноподчиненной» и этнически окрашенной истории, безусловно, имел свои последствия для судеб этнографии и археологии в Удмуртии. От пугающего внимания одних, равно как и безразличия других, постепенно угасало одно из перспективных исследовательских направлений. Но, очевидно, в нем исторически был заложен полезный потенциал знания, что позволило спустя годы вернуться к прежде оставленным сюжетам на новом уровне историографической культуры.

Профессиональные исторические исследования в Удмуртии продолжатся уже после Великой Отечественной войны, а систематическое

---

⁴⁴ Куликов. 1997. С. 224.

⁴⁵ См., например: Вахрушев. 1935. С. 41–50; За марксистско-ленинскую историю Удмуртии. 1934; Макаров. 1932; Макаров. 1935; Максимов. 1933; Максимов. 1935; К боевой биографии Азина. 1935.

археологическое изучение территории республики начнется в середине 1950-х гг. изысканиями В.Ф. Генинга. Этнография обретет второе дыхание с начала 1970-х гг., в связи с появлением вновь подготовленной генерации исследователей⁴⁶. Три ныне сложившихся археологических и этнографических центра – в Удмуртском государственном университете, Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН и Национальном музее УР им. К. Герда – будут решать исследовательские задачи с учетом потребностей своего времени, вместе с тем, опираясь на историческую память дисциплинарного прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российская Национальная Библиотека (Отдел рукописей). Ф. 828. Худяков М.Г. Ед. хр. 17.
- Рукописный фонд научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 532.
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф.195. Оп. 1. Д. 159; Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 504.
- Отдел письменных источников Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда. Инв. №19584-УРМ.
- Hroch M.* Historical belles-lettres as a vehicle of the image of national history // *National History and Identity / Studia Fennica: Ethnologica*. 1999. Vol. 6. P. 97–108.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
- Бердинских В.А.* Историк на грани веков: Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1991. 128 с.
- Берс А.А.* Анкета по учету памятников первобытной культуры на территории Уральской области. Свердловск, 1928. 18 с.
- Бобровников Н.А.* Об учреждении Востоковедной комиссии // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1919. Т. 30. Вып. 2. С. 167–174.
- Ван Мейрс В.* Советская этнография: охотники или собиратели? // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 9–42.
- Вахрушев А.Н.* Программа по истории классовой борьбы в Удмуртии: Проект: В порядке обсуждения // *Труды Удмуртского комплексного НИИ*. 1935. Сб. 1. С. 41–50.
- Владыкин В.Е.* Этнография // *Об исследованиях культуры удмуртского народа*. Ижевск: Удмуртия, 1970. С. 92–101.
- Владыкин В.Е., Загребин А.Е.* Торо удмуртской этнографии // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. Ижевск, 2004. С. 19–23.
- Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984. 144 с.
- Гришкина М.В., Кузьминых С.В.* Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 5–49.

---

⁴⁶ *Владыкин*. 1970. С. 92–101; *Владыкин, Христолюбова*. 1984.

- Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П.Н. Луппов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 420 с.
- Ермаков Ф.К.* Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.
- За марксистско-ленинскую историю Удмуртии: Сб. статей и материалов. Ижевск: Удпартиздат, 1934. 87 с.
- Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 324 с.
- Загребин А.Е.* Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. Вып. 3. С. 85–94.
- Загребин А.Е.* Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 398–402.
- Загребин А.Е., Шаранов В.Э.* Новые материалы об экспедиции В.П. Налимова в Удмуртию (1926 г.) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 10–14.
- Загребин А.Е., Чураков В.С.* Вклад М.Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 133–139.
- Зеленцов В.* Культурническая прогулка или научная экспедиция // Ижевская правда. 1931. 28 июля.
- К боевой биографии Азина: материалы и документы / Сост. Ф.П. Макаров. Ижевск, 1935. 98 с.
- Кильдибеков П.В.* Доклассовое общество в Удмуртии // П.В. Кильдибеков, Ф.П. Макаров. История классово-борьбы в Удмуртии. Для средней школы. Ижевск: Удпартиздат, 1933. 142 с.
- Куликов К.И.* Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 368 с.
- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1899. 298 с.
- Луппов П.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1911. Вып. 1-2. 568 с.
- Луппов П.Н.* Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края, Вотской Автономной Области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. 1927. Вып. 3. С. 81–114.
- Луппов П., Поздеев И.* Программа по истории Вотского народа. Ижевск: Обл. упр. гос. изд-ва ВАО, 1921. 16 с.
- Макаров Ф.П.* Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932. 132 с.
- Макаров Ф.П.* Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1935. 48 с.
- Максимов В.А.* Кулацкая контрреволюция и Ижевское восстание. Ижевск, 1933. 68 с.
- Максимов В.А.* Октябрь в Удмуртии. Ижевск, 1935. 84 с.
- Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1-2. С. 3–38.
- Мельникова О.М.* Археологические исследования Л.А. Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2004. № 3. С. 145–150.

- Мельникова О.М.* М.Г. Худяков как историк науки (по страницам книги «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов») // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. Казань, 2004. С. 133–144.
- Мельникова О.М.* «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей») // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 76–86.
- Мельникова О.М.* Археология в российской провинции: встреча исследовательских парадигм (по материалам археологических исследований в Удмуртии 1920-х гг.) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб.–Красноярск, 2012. С. 161–169.
- Репина Л.П.* Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Приказчикова Ю.В.* Устная историческая проза Вятского края: Материалы и исследования. Ижевск, 2009. 342 с.
- Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.) / Сост., науч. ред., введ. и комм.: А.Е. Загребина и А.А. Иванова. Ижевск; Йошкар-Ола, 2008. 500 с.
- Смирнов А.П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII вв. // Труды секции теории и методологии Московского института археологии и искусствоведения РАНИОН. Вып. 2. М., 1928. 275 с.
- Смирнов А.П.* Финские феодальные города // На удмуртские темы: Сб. статей. Вып. 2. М.: Центриздат, 1931. С. 36–75.
- Смирнов А.П.* Производство и общественный строй у народов Прикамья I тысячелетия нашей эры (по данным археологии) // Записки Удмуртского НИИ социалистической культуры при Совнарком УАССР и Общества по изучению производительных сил Удмуртии. Вып. 8. Ижевск, 1938. С. 202–250.
- Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.
- Худяков М.Г.* История вотского народа // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 129–214.
- Юрпалов А.Ю.* К истории Научного общества по изучению Вотского края // Связующая нить этнокультуры: Сб. статей. Ижевск, 2009. С. 239–252.

Загребин Алексей Егорович, доктор исторических наук, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН; adm@udnii.ru

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии и истории Удмуртии Удмуртского государственного университета; superlvovich@yandex.com